

ПЕРСОНА

— Оксана, помнишь, у Жванецкого: "Я никогда не буду женщиной. А интересно, что они чувствуют?" Ты играешь мужчин, значит, знаешь, что они чувствуют?

— Мои мужчины: Синьор Помидор, Чиполлино, Робин Гуд. И, конечно, Санчо Панса. Ну, этот мужчина особый. Правда, мне в голову не могло прийти, когда я как режиссер ставила спектакль "Кихот и Санчо", что сама буду его играть. Просто за четыре дня до премьеры актер, который его играл, уехал на съемки. Сейчас думаю, может, это не случайно? Во всяком случае, одно могу сказать: влезать в мужскую шкуру захватывающее и страшно интересное занятие. Хотя, считаю, мой Санчо — не мужчина, а тень Дон Кихота, а это субстанция женского рода. (Смеется.)

— Журналисты сравнивают тебя с цветком. Но я-то знаю, что если кто-то захочет сорвать этот цветок, непременно оцарапает себе руки.

— Колючек у меня действительно много, а репутация!.. Хотя, если честно, больше всех я сама ее такую создаю. Всегда предупреждаю: я человек невозможный, у меня ужасный характер. Считаю, лучше самой иметь такое мнение о себе, чем потом так о тебе будут говорить другие. Когда меня ушли из Театра на Спартаковской, пришла в ТЮЗ (Театр юного зрителя). Режиссер Кама Гинкас спрашивает, почему меня выгнали, неужто я такая сволочь?! Да, говорю, сволочь, а сама чуть не плачу. Он дал мне читать пьесу, и вот уже 10 лет я ее играю. Это "К.И. из "Преступления" по Достоевскому.

Я всегда о себе говорю все самое дурное: и что я трехметрового роста, и что темперамент у меня необузданный, и что нос... Во время показа "Семейных тайн" ко мне на улице подходили люди, говорили добрые слова, переживали за мою Таню, а я, глядя на экран, видела только нос. Или идет просмотр "Пьесы для пассажира". Ну не могу смотреть — и все. Выбегаю как ошпаренная из зала и в рев. Подходит Олег Янковский, начинает утешать. Оказалось, он тоже не любит на себя смотреть на экране. "Это нормально, — убеждал он меня, — если не нравится, не смотри, но сниматься продолжай!". С Олегом Ива-

В прошлой жизни она была мальчиком и жила в Греции. В нынешнем воплощении — девочка и живет в Москве.

Она актриса театра и кино, которая время от времени играет мужчин. А еще она музыкант, режиссер, рок-певица и зовут ее Оксана Мысина.

АЛЕКСАНДР МЕШАНИНОВ

Актриса говорит гуд-бай России

Фильм "Бедный, бедный Павел".

новичем мы встретились на картине "Бедный бедный Павел".

— Твои страшилки про себя тянут на комплексы детства. Ты еще скажи, что девочкой не мечтала сняться в кино.

— Мечтала и даже очень. Я на сцену впервые вышла в девять лет. Было это в пионерском лагере, и играла я Бабу-Ягу. Она, в смысле я, залезала на столб, бесновалась и хохотала басом. (Смеется.) Пионеры были страшно напуганы. Это был успех. Так ко мне пришла первая слава. Начальник соседнего пионерлагеря просил нашего, чтобы тот разрешил мне выступить у них. Но наш наотрез отказался. Мол, это наша звезда, нами возвращенная, и никому мы ее не отдадим.

— Жаль, сейчас могла бы рассказывать, что твоя первая гастроль состоялась, когда тебе было девять лет.

— Однажды к нам в школу пришли киношники. Я впилась глазами в помощника режиссера и стала посылать ему сигнал: "Выбери меня, выбери меня!". Я была абсолютно уверена, что никто, кроме меня, лучше с этой ролью не справится. Я же и Наташу Ростову уже играла, и Робин Гуда, и Чиполлино, а еще танцевала "Хали-гали" и в дуэте с сестрой играла на скрипке. Но в кино меня не взяли. Киноматограф вообще долго обходил меня стороной, как, впрочем, и я его. Мои визиты на "Мосфильм" заканчивались унижением. Как-то пригласили к известному режиссеру. Его ассистентка прямо с порога: "У вас ноги без изъема?" — и просит повыше поднять юбку. Я молча подняла, поинтересовалась, достаточно ли хорошо она их разглядела, попросилась и попросила больше мне не звонить. Омерзительное ощущение, когда тебя рассматривают как под микроскопом и никто не хочет с тобой говорить как с личностью.

— Твой американский муж Джон Фридман, журналист, театровед, драматург, иначе как Оксаночка к тебе не обращается.

— А я его зову Джончиком. Пятнадцатого декабря мы отметили 15 лет со дня свадьбы. Только почему ты называешь его моим американским мужем, как будто у меня есть еще муж французский или испанский? Просто он — американец.

— Чем Джон тебя покорило?

— Ковбойскими сапогами. (Смеется.) А еще, что раз сорок смотрел спектакль "Дорогая Елена Сергеевна", что написал на афише "Оксана, я в вас влюбляюсь каждый раз". У меня самой мурашки забегали, когда я впервые его увидела в кабинете нашего режиссера Светланы Враговой. Поняла, что могу потерять голову. Полгода от него бегала, а когда до его отъезда из России оставалась неделя, добрые люди устроили так, что мы наконец встретились на дне рождения общего друга.

— И как пишут в романах...

— Джон уехал в Париж. Звонил мне каждый день. Потом я полетела в Америку знакомиться с его родными. Говорю сейчас так легко, а как вспомню, как меня "пытали" в

американском посольстве и прямо перед вылетом отказали в визе. Мы не были тогда еще мужем и женой, и на меня смотрели как на потенциальную эмигрантку. Заставили даже расписку написать, что в Америке я замуж не выйду.

— Все-таки тебе повезло с профессией — чего не делаешь в жизни, компенсируешь в кино. В "Каменской" ты куришь, в "Семейных тайнах" — пьешь.

— Напилась. Но это по заданию режиссера Цыплаковой. А так на работе не пью. После первого раза охоту отбило. Было это в далеком... лет шестнадцать назад на премьере "Дорогой Елены Сергеевны". Перед выходом мой одноклассник и партнер предложил выпить для храбрости. У него был самогон, как сейчас помню, из Тюмени ему прислали. До этого мы две ночи не спали, репетировали, страшно нервничали. Нас было пятеро. Мы встали в кружочек, взялись за руки, сделали по глотку, и я пошла на сцену. Выйти-то я вышла, а дальше не помню, где я, что я. Ноги ватные, губы не шевелятся. А ведь нужно не просто стоять и глазами блистать, нужно же что-то говорить, реагировать на партнеров. Слава богу, как-то собралась, но с крепкими напитками завязала.

Во второй раз дело было на съемках "Семейных тайн". Но, повторяю, по заданию режиссера. Был конец съемочного дня, и оставалось снять один кадр. Вот Лена и предложила снимать в режиме on line. Естественно, подчиняюсь. Внимание! Мотор! Начали! Я быстро открываю бутылку вина, наливаю, выпиваю, открываю записную книжку и... ничего. Головой-то я понимаю, впереди у меня хулиганская сцена, достаточно эксцентричная, где я разговариваю по телефону с мальчиком по вызову, а во мне ни куража, ни чувства юмора, все куда-то ушло, и вообще стало так скучно. Лена возмущается: "Что это такое, ты что, мало выпила? Давай пей еще!" И пошло-поехало. За первым дублем второй, потом третий. Я пью и пью, а играю все хуже и хуже. Когда опустошила всю бутылку, чуть не зарыдала: "Лена, прости, я больше не могу, хочу домой!" Цыплакова в ужасе: "Пьяница ты несчастная, напилась. Под холодную воду ее. Быстро чай, кофе! Делайте с ней, что хотите, но сцену мы должны снять". Сделали дублей 12 или 13. Ничего хорошего, за исключением сцены, где я выхожу из ванной, как мокрая курица. Это получилось достоверно и очень убедительно. Только на следующий день удалось переснять.

— Помнишь анекдот, когда актеру звонят из Голливуда и предлагают хорошую роль, бешеный гонорар, а он отказывается, потому что у него елки. Это я к тому, играла ли ты Снегурочку?

— Скажи, я похожа на Снегурочку? Никто и никогда не предлагал мне играть Снегурочку и Деда Мороза тоже, а на зайца я никак не качу при всем желании. Это прошло мимо меня. Зато я была снежинкой. В детстве, разу-меется.

— Кстати, ходят слухи, что ты нас покидаешь?

— Да, лечу в Америку, в Нью-Йорк. Целый январь буду играть на Бродвее спектакль "К.И. из "Преступления". А слухи, что я вас покидаю, пошли оттого, что перед отъездом я решила дать концерт, который назвала "Гуд-бай, Москва! Гуд-бай, Россия!". Он состоится 21 декабря в Центральном Доме художника. Буду выступать со своей рок-группой "ОКСИ-РОКС". Споем старенькое и много нового. У меня талантливые музыканты, которые пишут музыку на мои стихи.

— У тебя есть песня "А семьянин из меня никакой". Многим уже известно, что твой Джон не подпускает тебя к плите, отбирает пылесос и отправляет на диван, чтобы ты отдохнула или почтала. Что на это скажешь?

— Это песня не про меня и не про Джона. И не надо думать, что все песни, которые я пишу, все про меня. Хотя все равно про меня. "А семьянин из меня никакой" — фраза, которую часто повторяет наш гитарист и композитор Серега Шетинин. Однажды я ему предложила написать песню. Как-то возвращаемся с Джоном домой, а у нас на автоответчике Серега напевает мотивчик. И так здорово на него легла эта фраза, что нам с ним ничего не оставалось, как дописать недостающие слова.

— Так какой же из тебя семьянин на самом деле?

— Да никакой. (Смеется.) И Джон никакой, по большому счету. Семьянин — это тот, кто сидит дома, считает, что тут у него все, а что там — его не интересует. А для нас дом — это корабль, на котором мы плывем в ожидании новой станции.

— Высоко! А как насчет продуктов, стирки, уборки?

— Смотри, сколько продуктов! Это мы в магазин сегодня вместе ходили. А если к нам кто-то должен прийти, я впопыхах начинаю разгребать свои бумаги, рассовывать вещи по шкафам, а Джон, где успеет, пыль вытрет, пылесосом пройдет. Это мы делаем за полчаса.

— На твоём сайте один из поклонников написал: "Артистка с лицом доброй учительницы режет рок. Улет!"

— Это же здорово! Значит, улетать будем вместе.

— Говорят: "Хочешь рассмешить бога, расскажи ему о своих планах".

— Бог даст, в феврале начну сниматься у Эльдара Рязанова в его новом фильме. Он про жизнь сказочника Ганса Христиана Андерсена. Эльдар Александрович пригласил меня на роль его матери.

— Если в прошлой жизни ты была мальчиком, то кем или чем ты хотела бы стать в будущем?

— Водопадом. Да, водопадом, чтобы шуметь, шуметь... вечно.

Елена АВАКУМОВА.